

ИНТЕРВЬЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ РОССИИ»

Михаил Ульянов:

ГОВОРИТЬ ПРАВДУ
О СВОЕМ ВРЕМЕНИ...

П ОСЛЕ поразительной роли Егора Трубникова в фильме «Председатель» мы, зрители, окончательно признали Михаила Ульянова одним из лучших актеров советского кино. Мы были потрясены — может быть, не стоит бояться этого возвышенного слова?! — так что определения: удача, прекрасное исполнение — явно не подходили. Казались скудными, недостаточными. Мы просто узнали еще одного удивительного человека — Трубникова, — и до самого дна раскрылись перед нами его жизнь, его страдания, нелегко давшие ему счастье, победа — раскрылись страстно, жестко, правдиво.

Ульянов представлялся мне похожим чем-то на своих героев: простоватым, суровым...

Дверь открыл подтянутый, изящный человек и, сдержанно представившись, легким движением руки пригласил пройти. Стараюсь уловить знакомые интонации — и не могу. Невольно задаю «внеплановый» вопрос:

— Как вам удается такое удивительное перевоплощение?

— Ну, я не думаю, что «удивительное». Я как раз актер не «потрясающего» перевоплощения. Вот Николай Гринченко, тот на самом деле удивительный. В «Принцессе Турандот» его, помоему, даже близкие знакомые не узнают. Меня в общем всегда можно узнать — как говорится, из своего материала, из своих инстинктов.

— Наша театральная школа готовит актеров разносторонних. Вы вот тоже играете и в «Стряпуче», и в «Идиоте». Видимо, эта способность к воплощению комедийных и драматических ролей развивается постепенно, вырабатывается школой?

— Да, конечно. Я закончил Театральное училище имени Щукина (а это, по-моему, одно из лучших театральных учебных заведений). Во время учебы студентам предлагают попробовать в разных амплуа, воспитывают в будущем актере умение самостоятельно работать и самостоятельно мыслить. Студент занимается у многих педагогов, актеров театра. Знакомится с методами Станиславского, Вахтангова. Овладевает гибкой, четкой сценической формой. Театральная школа приучила меня прежде всего вникать во внутреннюю жизнь героя, угадывать его вкусы, привычки, привязанности, антипатии...

В прошлом году наш Театр имени Евг. Вахтангова гастролировал в Греции. Зрителям трудно было привыкнуть, что, скажем, Яковлев сегодня играет Каренина в «Живом труп», а завтра Панталоне. В греческом театре это невозможно. Если ты комик, то ни в каком другом амплуа никогда не выступишь.

— Хотя вы и сказали, что вас

можно узнать в каждой роли, но героев ваших не спутаешь друг с другом. Каждый из них наделен своими, очень специфическими и ощутимыми для нас, зрителей, особенностями. И рисунок роли у вас всегда иной, даже когда характеры ваших героев сходны. Как вы ищете детали образа?

— Как ищут? Вот вы заметили кривую улыбку Егора Трубникова... Это не моя улыбка, а его. Откуда она? Он воевал, потерял руку на войне, много страдал. Ему поручено немалое дело — поднять обескровленную страшной войной деревню, дать людям хлеб. Мне казалось, что такая улыбка свойственна в тяжелые минуты сильным людям, умеющим смотреть на себя со стороны. А ходит Трубников чуть косяком. Я подметил такую походку у одного человека — долго следил за ним: так ходят, помоему, упрямые люди. Может быть, походка эта и не всегда заметна в фильме, но мне она была нужна для моего внутреннего состояния.

А мой Быков из «Тишины», омерзительный доносчик и преступник, говорит по-особенному — вкрадчиво, еле слышно. Это от внутренней нечистоплотности, мерзости. Будешь ласковым, скорее поверят — нехитрая логика мерзавца.

Создание образов — процесс мучительный. Не всегда рожденное тобой дитя нравится тебе. Иногда оно мучает, огорчает, вырастает не таким, каким хотел бы его видеть.

— Ваша актерская судьба в этом смысле, кажется, удачна? Вы играете много, и роли ваши интересны. Их любят зрители, о них много говорят. Но оценка со стороны и своя собственная — это ведь разные вещи.

— Все это так. Я снимался во многих фильмах. Но первые роли в кино не приносили мне радости, а зрители, по-моему, их не особенно запомнили. Трудно по-настоящему сыграть положительную роль, если в ней нет глубокого гражданского смысла. Никакое изящество исполнения не скроет бессодержательности и бессмысленности образа. Только сложные актуальные вопросы современности, поставленные в фильме, в спектакле, наполняют образы подлинным смыслом.

Мои первые шаги в кино начались творческой дружбой с режиссером Юрием Егоровым. Он приглашал меня сниматься в нескольких своих картинах, и я с радостью работал с ним. У нас оказались общие взгляды на искусство, на процесс творчества, на проблемы, которые важно решать. Творческая дружба режиссера и актера хорошо сказывается на работе и на ее результатах. Но я долго играл обычных, скромных, добрых людей, пока не встретился мне

на актерском пути Бахирев, а теперь Трубников. Я уже говорил и писал о том, как благодарен писателю Юрию Нагибину за то огромное актерское счастье, которое принес мне его Егор Трубников. Не удался бы писателю сильный могучий герой, если бы не заговорил он о самом главном, о самом наболевшем — о хлебе.

Отсюда и образ предельной гражданской честности и глубины. То же самое сумела сделать и Галина Николаева в романе «Битва в пути». Свою точку зрения она облекала в точную форму характера Бахирева. И получился не просто борец за правду, ненавистник показухи, бахвальства, штурмовщины: он взялся за трудное дело и борется с позиции коммуниста, гражданина.

— Вы играете героев, которых принято называть положительными. Это психологически сложные и иногда в чем-то противоречивые характеры. В них разные стороны, разные грани нашего современного человека. Такими ли, на ваш взгляд, и должны быть положительные герои?

— Дать на этот счет какой-нибудь рецепт очень трудно. Да и возможно ли? Героя требуют время и обстоятельства. Ни Бахирев, ни Трубников не смогли бы поставить в то время на ноги завод, колхоз, будь у них другой характер. Таких людей требовало время.

Они не идеальные в том смысле, в каком у нас зачастую употребляется это понятие. По-моему, вообще определение «идеальный герой» неверно. Бахирев и Трубников — крутые, трудные и добрые в том смысле, в каком сказал о добре один поэт: «Добро должно быть с кулаками». Они, конечно, убежденные в своей правоте руководители, они говорят правду о своем времени, и в этом их сила. Главное, о чем они думают, — это люди. Их счастье, их благополучие. Но у каждого из них свой характер, каждый по-своему человечески очерчен. В этих образах я видел плоть и кровь ясных, чистых и упорных людей, способных на большие самоотверженные поступки во имя великой цели. В общем, не «идеальные» они герои, а настоящие люди. Кстати, эту идеальность, «голубоватость» я стараюсь изгонять из тех ролей, где она присутствует. В театре одна из любимых мною ролей — Сергей Сергеев в «Иркутской истории» Алексея Арбузова. Кажется, все благодати человеческие в нем — и доброта, и нежность, и ласков, и умен. Я поначалу старался подчеркнуть эти качества, и тогда Сергей становится прямо-таки христоподобным ангелом. Тогда я начал искать «земные»

Михаил УЛЬЯНОВ. 1965 год.

качества Сергея. Становилось как-то легче. Нет, не святой, не ангел он.

Ульянов ищет в характерах героев внутреннюю силу, энергию, волю, укрупняет эти качества, и поэтому образы нередко получаются крепче и выразительнее, чем написаны в сценарии. Умение преодолевать «сопротивление материала», мне кажется, у него в характере. Этому учила его жизнь, актерский путь.

...Маленький сибирский городок Тара в Омской области. Мальчишка — крепенький, серьезный. Бегал в школу. Ходил на лыжах. Были лес, река — был свой мир, большой и интересный. Но не было в нем театра. А когда приехала какая-то небольшая труппа, впервые, в шестнадцать лет, пошел на спектакль. И это стало началом будущего.

Поехал в Москву. Подал заявление в театральное училище. Выгнали «за профнепригодность». В другое не приняли: не прошел по конкурсу. А он все поступал... И наконец Ульянов — студент Щукинского. Оттуда сразу зачислили в труппу Театра имени Евг. Вахтангова. Такую честь оказывают только лучшим студентам. Первые роли. Трудные. И не очень удачные.

— Переживал? Да, переживал, но и покаялся — через это надо пройти, это школа. И еще: тогда можно «страдать», когда знаешь, что неудавшаяся роль была нужна людям. Вот не получился Трубников — переживал бы.

— А не трудно вам, актеру театра, занятому почти во всем репертуаре, переключаться на работу в кино? Вам не мешает такое совмещение, или, может быть, одно дополняет другое?

— Я действительно играю в последние годы много и в театре, и в кино. В прошедшем году снялся в трех фильмах. Но, мне кажется, по-настоящему актера может воспитать только театр. Дисциплина театра держит актера в форме, не дает распускаться. В кино можно иногда при опытном режиссере «обмануть» зрителя, скрыть бесталанность или неудачную игру. Театр в этом смысле более обнажен. Сочетание работы в театре и в ки-

но — это огромная возможность для роста актера. Хотя кино и «высасывает» все силы, забирает без остатка, но польза от него для актера большая. Но самое главное — роли. Только на больших ролях может вырасти актер.

Театр дал мне возможность сыграть героя Достоевского — Рогожина в «Идиоте». Это большое счастье. Работа над образом, созданным великим психологом, может сделать актера более крепким, чутким, разносторонним и глубоким. Рогожин заставил меня задуматься о своем темпераменте, о технике, о голосе. В этом году я буду играть шекспировского Ричарда III в очереди с Михаилом Федоровичем Астанговым. Вы сами понимаете, как это трудно, сложно и ответственно.

— Считаете ли вы, что современные да и классические роли требуют сейчас определенной «современной» манеры игры?

— Современная манера? Лично я ничего не могу сказать о ней. Актер должен жить большими общественными проблемами — только тогда он современный актер. Иначе ему не справиться и с наипростейшей ролью при всем таланте. Сейчас есть актеры, которые играют «от себя», и только... Как говорится, «простенько, но со вкусом». Я такую манеру что-то плохо принимаю. Роль тогда звучит, когда насыщена глубоким чувством. Правда, сила характера, а следовательно, индивидуальность образа и требуют в каждом случае своей, иной манеры исполнения. Повторяю, о современности актерской игры можно говорить, по-моему, лишь в том смысле, что от актера требуются предельная отдача и искренность в решении проблем, которыми живут в данную эпоху люди.

Все, что говорил Ульянов, было каким-то удивительно личным, глубоко продуманным... Он не обрушивал каскады тире, но и не задумывался надолго. Ведь этого не нужно человеку, чье искусство и мировоззрение нераздельны.

Если бы меня спросили, что такое советский актер, я бы ответила: смотрите игру Михаила Ульянова.

Людмила КУДРЯВЦЕВА